

DOI: [10.14515/monitoring.2024.2.2477](https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.2.2477)

К. С. Григорьева

**РАСОВОЕ ПРОФИЛИРОВАНИЕ ЦЫГАН: ОПЕРАЦИЯ «ТАБОР»
КАК НЕПРЕДНАМЕРЕННЫЙ РЕЗУЛЬТАТ ПОЛИТИЗАЦИИ
БЕЗНАДЗОРНОСТИ И СЕКЬЮРИТИЗИРУЮЩАЯ ПРАКТИКА**

Правильная ссылка на статью:

Григорьева К. С. Расовое профилирование цыган: операция «Табор» как непреднамеренный результат политизации безнадзорности и секьюритизирующая практика // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2024. № 2. С. 96—115. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.2.2477>.

For citation:

Grigoreva K. S. (2024) Racial Profiling of Roma: Operation «Tabor» as an Unintended Result of the Politicization of Child Neglect and Securitizing Practice. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 2. P. 96–115. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.2.2477>. (In Russ.)

Получено: 22.08.2023. Принято к публикации: 22.03.2024.

РАСОВОЕ ПРОФИЛИРОВАНИЕ ЦЫГАН: ОПЕРАЦИЯ «ТАБОР» КАК НЕПРЕДНАМЕРЕННЫЙ РЕЗУЛЬТАТ ПОЛИТИЗАЦИИ БЕЗНАДЗОРНОСТИ И СЕКЬЮРИТИЗИРУЮЩАЯ ПРАКТИКА

ГРИГОРЬЕВА Ксения Сергеевна — кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия
E-MAIL: kсениагригорьева@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-7761-7792>

Аннотация. В статье сделана попытка выйти за границы традиционных подходов к изучению расового профилирования, поместив его в контекст исследований секьюритизации. Для преодоления существующих в рамках этого научного направления противоречий используется подход, предложенный Пьером Бурдьё, согласно которому перформатив (ключевое понятие в теории секьюритизации) рассматривается как проявление символической власти.

На примере тематического исследования расового профилирования цыган, эмпирической базой которого послужило более 3000 документов, содержащих официальные распоряжения и отчеты о проведении антицыганских облав, а также призывы к населению о проявлении бдительности в отношении цыган, показано, что этнически избирательные полицейские мероприятия можно анализировать как комплекс секьюритизирующих практик, порождающих производные секьюритизирующие дискурсы. Проведенный анализ позволил установить, что всероссийские антицыганские облавы стали непреднамеренным последствием шагов по секьюритизации беспризорно-

RACIAL PROFILING OF ROMA: OPERATION «TABOR» AS AN UNINTENDED RESULT OF THE POLITICIZATION OF CHILD NEGLECT AND SECURITIZING PRACTICE

Kseniya S. GRIGOREVA¹ — *Cand. Sci. (Soc.), Leading Researcher*
E-MAIL: kсениагригорьева@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-7761-7792>

¹ Institute of Sociology FCTAS RAS, Moscow, Russia

Abstract. This article attempts to move beyond traditional approaches to the study of racial profiling by placing it in the context of securitization studies. To overcome the contradictions existing within this scientific direction, the author uses approach proposed by Pierre Bourdieu, according to which the performative (a key concept in the theory of securitization) is considered as a manifestation of symbolic power.

The empirical basis of the study was more than 3,000 documents containing official orders and reports on anti-Roma raids, as well as calls to the population to be vigilant against Roma. The author shows that ethnically selective policing can be analyzed as a complex of securitizing practices that generate derivative securitizing discourses. To confirm this, the author conducts a case study of racial profiling of Roma. The analysis made it possible to establish that all-Russian anti-Gypsy raids were an unintended consequence of steps to securitize child homelessness and neglect taken by major political players at the turn of 2001/2002.

The proliferation and institutionalization of anti-Roma activities were possible

сти и безнадзорности, предпринятых крупными политическими игроками на рубеже 2001/2002 гг.

Распространение и институционализация антицыганских мероприятий оказались возможны из-за благосклонной или нейтральной реакции большинства аудиторий, наблюдавших за разворачивавшимися секьюритизирующими практиками. Рутинизация антицыганских облав привела к тому, что в настоящее время они воспринимаются как нечто обыденное и непроблематизируемое, хотя данная практика очевидно является разновидностью этнической дискриминации и выходит за рамки нормальной политики. При этом участники антицыганских мероприятий, интериоризировав восприятие цыган как источника угрозы и узаконенного подозрения, нерелексивно тиражируют секьюритизирующие дискурсы, маркирующие цыганское население в качестве опасной и неблагонадежной группы, при встрече с которой гражданам иной этнической принадлежности следует соблюдать меры предосторожности или обращаться в полицию.

Ключевые слова: расовое профилирование, секьюритизация, символическая власть, дискурсы, практики, операция «Табор»

due to the favorable or neutral reaction of most audiences observing the unfolding securitizing practices.

The routinization of anti-Roma raids has led to the fact that they are now perceived as something common and unproblematic, although this practice is clearly a type of ethnic discrimination and goes beyond the scope of «normal politics».

At the same time, participants in anti-Roma events, having internalized the perception of Roma as a source of threat and legitimate suspicion, unreflectively replicate securitizing discourses that mark the Roma population as a dangerous and unreliable group, upon meeting which citizens of a different ethnicity should take precautions or contact the police.

Keywords: racial profiling, securitization, symbolic power, discourses, practices, operation «Tabor»

Расовое профилирование — это «использование правоохранительными органами без объективных и разумных обоснований таких признаков, как раса, цвет кожи, язык, религия, гражданство, национальное или этническое происхождение, при контроле, слежении или проведении расследований» [Европейская комиссия..., 2007]. Несмотря на то что расовое профилирование признано разновидностью расовой дискриминации и запрещено международным законодательством, оно распространено во многих странах мира (см., например, [Lamberth, 1996; Spitzer, 1999; Miller et al., 2008; Goris, Jobard, Lévy, 2009; Pap, 2011]). Его

объектом выступают разные группы населения. Классические примеры — афроамериканцы, латиноамериканцы, азиаты, цыгане, мусульмане.

Исследования расового профилирования обычно относят к области изучения уголовной юстиции (подробный обзор см. [Григорьева, 2019]). Выполненные в рамках данного направления работы, как правило, опираются на богатую эмпирическую базу, но носят преимущественно описательный характер. Это обстоятельство вызывает серьезную критику. В частности, Робин Энгель, Джон Калнон и Томас Бернард полагают, что из-за отсутствия теоретического осмысления многие исследования, посвященные расовому профилированию, не отвечают требованиям, предъявляемым к научным работам [Engel, Calnon, Bernard, 2004].

Проблема состоит в том, что сфера изучения уголовного правосудия в теоретическом плане довольно бедна, вследствие чего для получения более совершенных аналитических инструментов следовало бы выйти за рамки указанного направления. В настоящей статье предпринимается попытка сделать это, поместив расовое профилирование в область исследований секьюритизации¹.

Теория секьюритизации была предложена Барри Бузаном и Оле Вейвером в 1990-х годах. Под секьюритизацией понимается перформативный речевой акт², который, будучи принят аудиторией, выводит тот или иной вопрос, связанный с безопасностью, за рамки нормальной политики. Неважно при этом, насколько объективна декларируемая угроза. Любая проблема посредством секьюритизации может быть превращена в экзистенциальную, требующую немедленного принятия экстраординарных мер во избежание катастрофы. Безопасность в рамках данного подхода рассматривается как высокорискованная самореферентная практика, «стабилизирующая конфликтные или угрожающие отношения, часто через чрезвычайную мобилизацию государства» [Buzan, Wæver, De Wilde, 1998: 4].

Существует два основных представления о том, что должно находиться в фокусе внимания исследователей секьюритизации. Согласно Барри Бузану, Оле Вейверу и Яапу де Уайльду [ibid.: 25] основной объект изучения — это секьюритизирующие дискурсы. В то же время их коллега и оппонент Дидье Биго отдает предпочтение секьюритизирующим практикам тех, кого он называет «профессионалами безопасности» (полицейские, военные, пограничники, разведчики, специализированные частные компании) [Bigo, 2002]. Этот спор, восходящий к началу 1990-х годов, то есть к периоду формирования теории секьюритизации, до сих пор не разрешен.

Секьюритизирующие дискурсы и практики исследуются раздельно³. Сложившаяся традиция изучения дискурсов предполагает фиксацию на политических заявлениях, находящих отражение в СМИ, социальных сетях и программах политиков, тогда как анализ практик сосредоточен на более или менее рутинной работе

¹ Подобный выбор обусловлен тем, что расовое профилирование тесно связано с представлениями об угрозах, которые в определенных контекстах якобы исходят от отдельных групп населения. При всем разнообразии рисков, предположительно заложенных в этих группах (будь то склонность к совершению разного рода преступлений, сепаратизму, экстремизму или просто вызываемое ими у другой части населения раздражение), и невзирая на признанную неконвенциональность расового профилирования, оно, как правило, оправдывается императивом достижения общественной безопасности и социального благополучия.

² То есть речевой акт, равный действию.

³ Исключение составляет несколько работ, где предпринимается попытка преодолеть этот разрыв (см. [Bourbeau, 2014; Trombetta, 2014]).

профессионалов безопасности и игнорирует дискурсы как декоративный элемент, не оказывающий серьезного влияния на то, что происходит в поле безопасности «на самом деле». Тем не менее справедливой представляется точка зрения Филиппа Бурбо, согласно которой указанные подходы описывают две стороны одного явления и должны быть примирены [Bourbeau, 2014].

Ключ к примирению обеих позиций, на наш взгляд, лежит в трактовке перформатива — концепта, использованного Оле Вейвером при разработке понятия секьюритизации. Настойчивые указания исследователя на перформативность секьюритизирующих дискурсов не раз вызывали ожесточенную критику. Утверждалось, что акцент на перформативности привлекает чрезмерное внимание к семантической стороне речевого акта, вступает в противоречие с intersubъективной природой секьюритизации, затушевывает важность социального и исторического контекста, в котором она происходит [Balzacq et al., 2010; McDonald, 2008; Stritzel, 2007]. Пока дискуссия ведется в рамках постмодернистской и постструктуралистской лингвистической парадигмы, где доминирует понимание перформатива, предложенное Жаком Деррида [Derrida, 1988] и Джудит Батлер [Butler, 1997], эта критика во многом оправдана. Однако трактовка, разработанная Пьером Бурдье, позволяет разрешить перечисленные противоречия.

Перформатив как проявление символической власти

В работе «Язык и символическая власть» Пьер Бурдье анализирует введенное Джоном Остином понятие перформативного высказывания, указывая на то, что ограничивать исследование перформативов сферой лингвистики было бы неверно. Речевые акты могут быть равны действиям только в том случае, если «за ними каким-то образом стоит весь социальный порядок» [Bourdieu, 1991: 74]. По этой причине бессмысленно искать «в языке нечто, что на самом деле вписано в социальные отношения» [ibid.: 38]. Не грамматика лежит в основе преобразования мира при помощи слов, но обладание символическим капиталом, то есть групповое признание за актором магической способности заменять действие речью.

Символический капитал, как и другие виды капитала, согласно Бурдье, распространен в обществе неравномерно. Символическая власть сконцентрирована в руках относительно небольшой группы профессионалов поля политики, тогда как внешне по отношению к этому полю акторы имеют довольно ограниченные возможности влиять на его функционирование. Преобразования происходят главным образом в результате внутрипрофессиональной конкуренции за сохранение или изменение законного видения социального мира. Вместе с тем профессионалы не действуют произвольно, будучи ограничены текущими правилами политической игры, являющимися продуктом всей предшествующей истории развития политического поля.

Данные положения снимают напряженность между перформативностью и intersubъективностью, а также решают проблему противопоставления перформативных высказываний и социально-исторического контекста. Вместе с тем указание Бурдье на фундаментальную связь между символической властью и способностью к преобразованию мира возвращает перформативным речевым актам политиков ключевую роль в процессах секьюритизации, в которой им отказывают Биго и его последователи, фокусирующиеся на рутинных практиках профессионалов безопасности.

Методология и эмпирическая база исследования

В представленном далее исследовании расовое профилирование цыган рассматривается как комплекс секьюритизирующих практик, произведенный перформативными дискурсами, предшествовавшими его экспансии.

Поскольку исследователи секьюритизации сходятся во мнении о необходимости уделять особое внимание контексту, в котором она протекает, и реакциям аудиторий, благодаря которым она становится (не)возможной, указанным аспектам посвящены специальные разделы данной работы. Отдельное внимание уделяется процессам рутинизации секьюритизирующих практик, возникновению и функционированию производных от них секьюритизирующих дискурсов.

Эмпирической базой исследования послужили документальные источники, где ясно артикулированы дискриминационные намерения относительно цыганского населения. Поиск источников осуществлялся в период с 2021 по 2023 г. в справочно-правовой системе «Гарант», на официальных сайтах МВД РФ, в поисковой системе Google. Обнаруженные материалы заносились в базу данных, организованную по тематическому, хронологическому и географическому принципу.

Всего было обнаружено 3098 релевантных источников. Наиболее многочисленной категорией среди них являются отчеты и информационно-аналитические записки участковых уполномоченных полиции, где сообщается о проведении антицыганских облав, содержатся обращения к населению о проявлении бдительности в отношении цыган (2969 ед.). Другая категория — официальные отчеты и распоряжения региональных органов исполнительной власти, исполнительно-распорядительных и законодательных органов местного самоуправления о проведении антицыганских мероприятий (114 ед.). Наконец, третья, самая небольшая по численности категория — сообщения официальных лиц в СМИ о проведении антицыганских облав (15 ед.). Последняя категория источников носила вспомогательный характер. Они учитывались только в том случае, если о соответствующих мероприятиях не говорилось в официальных документах, что было связано с нежеланием включать в эмпирический массив большое количество журналистских материалов, строго говоря, не являющихся документальными источниками.

Так как доступ к полному массиву документов, содержащих информацию о расовом профилировании цыган, отсутствует, а часть соответствующих материалов с высокой долей вероятности имеет гриф «для служебного пользования», работа велась с естественной выборкой источников.

Хронология и контекст возникновения операции «Табор»

Основным объектом нашего интереса была практика, ставшая известной как «операция Табор» и представляющая собой этнически избирательные полицейские облавы на цыган. Она одновременно подпадает под определение расового профилирования⁴ и секьюритизирующей практики⁵. С целью установления времени и причин ее возникновения в 2021—2022 гг. был проведен анализ норма-

⁴ Поскольку нацелена на этническую группу в целом, а не на отдельных лиц, вызывающих разумные и обоснованные подозрения у сотрудников правоохранительных органов.

⁵ Поскольку маркирует целевую группу как представляющую повышенную угрозу, для борьбы с которой необходимы экстраординарные меры, выходящие за рамки нормальной политики.

тивно-правовых актов (далее — НПА) и материалов СМИ, содержащих информацию о наиболее ранних случаях ее осуществления.

Поиск сообщений в СМИ производился по ключевым словам «операция Табор» с использованием инструментов поиска Google. Чтобы определить, когда стали появляться первые релевантные материалы, был применен фильтр по временным периодам, начиная с 1991 г. с шагом в 12 месяцев (01.01.1991—31.12.1991, 01.01.1992—31.12.1992 и т.д.). В результате было установлено, что СМИ стали публиковать подобные сообщения в 2002 г. Этот вывод подтверждается свидетельством руководителя цыганской НКА «Романо Кхэр» Надеждой Деметер⁶ и данными профильных правозащитных организаций⁷.

Поиск НПА велся в базе данных «Гарант» по тем же ключевым словам. На федеральном уровне был обнаружен один релевантный документ: Письмо Минздрава РФ от 22 июля 2002 г. № 2510/7337-02-32 «О мерах по усилению борьбы с преступностью среди несовершеннолетних». На региональном уровне найдено 16 документов, сообщавших о проведении операции «Табор» и выпущенных в семи субъектах РФ (Алтайском крае, Калининградской, Кемеровской и Костромской областях, Республике Татарстан, Чувашской Республике и Южно-Сахалинске).

Подавляющее большинство документов было издано начиная с 2002 г. и позже. Только один НПА с упоминанием операции «Табор» датировался более ранним периодом — Постановление Главы администрации (губернатора) Калининградской области от 21 марта 2000 г. № 119 «О комплексной региональной программе по противодействию злоупотреблению наркотиками и их незаконному обороту на 2000—2001 гг.» Операция «Табор» здесь фигурировала в числе запланированных мероприятий наряду с такими операциями, как «Допинг», «Мақ» и «Груз». Неизвестно, была ли она реализована: в открытых источниках информация об этом отсутствует. Тем не менее само ее упоминание означает, что антицыганские операции проводились и до 2002 г.,⁸ впрочем, не принимая характера широко разрабатываемой кампании, санкционированной на уровне федерального центра.

Содержание региональных НПА дает противоречивое представление о декларируемых причинах проведения операции «Табор». Чаще всего ее необходимость объясняется борьбой с наркотизацией населения (в 7 случаях из 16) и потребностью обеспечения безопасности дорожного движения (еще в 6 случаях⁹). В других документах разработчики ссылаются на императивы борьбы с незаконной миграцией и охраны правопорядка. Примечательно, что документ, датированный 2002 г., ставит операцию «Табор» в один ряд с такими мероприятиями, как

⁶ Н. Деметер утверждала, что впервые об операции «Табор» написал «Московский Комсомолец» в феврале 2002 г. См.: Деметер Н. Г. Цыгане и пресса // Lilor. 2002. 21 сентября. URL: <http://www.lilor.philology.ru/romanes/demeter.htm> (дата обращения: 10.03.2024)

⁷ Европейский центр по правам цыган. В поисках счастливых цыган. Преследование отверженных меньшинств в России. Доклады по странам. Вып. № 14. Май 2005. URL: https://www.errc.org/uploads/upload_en/file/01/49/m00000149.pdf (дата обращения: 10.03.2024).

⁸ Этот вывод подтверждается и данными Н. В. Бессонова, согласно которым профилирование цыган осуществлялось еще в 1990-е годы. См.: Бессонов Н. В. Цыгане и пресса. Вып. 1. 2000. URL: <http://gypsy-fond.com/pressa1> (дата обращения: 10.03.2024).

⁹ Такой неожиданный результат объясняется нормотворчеством администрации городского округа г. Шарья Костромской области, которая из года в год выпускала постановления, упоминавшие проведение операции «Табор» в контексте предупреждения правонарушений в сфере дорожного движения.

«Опасный возраст», «Трудное детство» и «Беглец», нацеленными на предупреждение безнадзорности, беспризорности и правонарушений несовершеннолетних.

Прояснить первоначальный контекст, в котором операция «Табор» приобрела характер общероссийской антицыганской кампании, позволяет анализ Письма Минздрава РФ от 22 июля 2002 г. № 2510/7337—02—32, где рекомендуется повсеместно проводить указанное мероприятие «в целях выявления беспризорных, безнадзорных и совершивших преступления несовершеннолетних», а также «лиц, вовлекающих несовершеннолетних в попрошайничество, проституцию, ведение антиобщественного образа жизни». Тот факт, что письмо имеет федеральное значение и датировано 2002 годом — годом появления сообщений в СМИ о проведении операции «Табор» — свидетельствует о сильной дискурсивной связи данной практики с проблемами беспризорности и безнадзорности. Для прояснения этой связи необходимо кратко остановиться на том, как развивалась российская политическая дискуссия, посвященная указанному вопросу.

С начала 1990-х годов проблема безнадзорности обсуждалась неоднократно, однако это обсуждение было неравномерным и имело несколько реперных точек. Первый всплеск интереса профессионалов поля политики к данному вопросу пришелся на 1998 г.,¹⁰ когда президент Б. Н. Ельцин в послании к Федеральному Собранию назвал детскую безнадзорность «позорной» для страны¹¹. В последовавшем обращении депутатов Госдумы к президенту говорилось уже о «критической» ситуации с безнадзорностью, которая характеризовалась как «одна из главных проблем детства» и «одна из важнейших проблем страны»¹². В конечном счете в 1999 г. был принят закон № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних», который, впрочем, не предусматривал никаких экстраординарных мер в борьбе с указанной проблемой. Таким образом, период с 1998 по 2000 г. можно считать периодом политизации¹³ вопроса о безнадзорности.

В новое качество дискуссия перешла уже в декабре 2001 г., когда были организованы парламентские слушания по проблеме беспризорности и безнадзорности, в ходе которых она была названа «угрозой национальной безопасности России»¹⁴. Выводы и рекомендации по результатам слушаний были направлены президенту, правительству, Госдуме, Верховному суду и органам государственной власти субъектов РФ. 24 декабря во время Прямой линии президент В. В. Путин назвал беспризорность и безнадзорность «сложным и очень острым вопросом», объявив, что дал поручение правительству разработать систему мер, направлен-

¹⁰ До 1998 г. обсуждения проблем безнадзорности также велись, однако в них отсутствовали экспрессивность и алармизм, проявившиеся в более поздние периоды.

¹¹ Послание Президента Российской Федерации от 17.02.1998 г. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/20941/page/7> (дата обращения: 10.03.2024).

¹² Постановление Государственной Думы Федерального Собрания РФ от 16 апреля 1998 г. N 2389-II ГД «О критической ситуации с детской безнадзорностью». URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&link_id=7&nd=201141134&collection=1 (дата обращения: 10.03.2024).

¹³ Политизация — этап, предшествующий секьюритизации.

¹⁴ Постановление Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации «О парламентских слушаниях „Детская безнадзорность и беспризорность как один из факторов угрозы национальной безопасности России“». URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&link_id=7&nd=102073740 (дата обращения: 10.03.2024).

ных на борьбу с этим явлением¹⁵. Поручение было издано 3 января 2002 г. В нем декларировалось принятие незамедлительных мер для решения проблемы беспризорности и безнадзорности.

Итак, на рубеже 2001—2002 гг. крупными политическими игроками был принят ряд шагов по секьюритизации беспризорности и безнадзорности, представленных в качестве угрозы национальной безопасности, требующей незамедлительного реагирования. Это повлекло за собой активную деятельность разнообразных агентов бюрократического поля¹⁶, рассматривавших указанную проблему как зону собственной компетенции¹⁷.

Одним из первых свой взгляд на решение данного вопроса попыталось утвердить Министерство внутренних дел: 12 января 2002 г. вышел приказ МВД «О мерах по совершенствованию деятельности органов внутренних дел по профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних»¹⁸. Среди прочего в нем фигурировал пункт 8.3.: «Разработать до 30 января 2002 г. планы проведения комплексных ежемесячных мероприятий с участием всех подразделений органов внутренних дел по выявлению беспризорных несовершеннолетних и лиц, занимающихся попрошайничеством с несовершеннолетними, с обязательным установлением личности детей и их законных представителей». Последствием этого бюрократического перформатива и стало распространение операции «Табор».

В феврале — марте 2002 г. операция была проведена в Москве, Московской области, Петербурге, Самарской области, Иркутской области, Чувашской республике и Хабаровском крае, получив одобрительное освещение в СМИ. В апреле МВД, подводя промежуточные итоги борьбы с беспризорностью, особо отметило операцию «Табор» как успешное мероприятие, направленное «на выявление малолетних попрошаек»¹⁹. А 11 июня на заседании Межведомственной комиссии Совета Безопасности Российской Федерации по общественной безопасности, борьбе с преступностью и коррупцией, посвященном проблемам беспризорности и безнадзорности, было решено проводить операцию «Табор» повсеместно «на регулярной основе» в числе прочих оперативно-профилактических мероприятий²⁰.

Состав Межведомственной комиссии объясняет сфокусированность на правоохранительных кампаниях: 14 из 20 ее членов принадлежали к числу профес-

¹⁵ Стенограмма прямого теле- и радиозэфира («Прямая линия с Президентом России»). URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/21457> (дата обращения: 10.03.2024).

¹⁶ В частности, в объявленную борьбу с беспризорностью и безнадзорностью включились Минтруд, Минздрав, Минобразования, Минфин, Минэкономразвития, Госкомстат, региональные органы исполнительной власти и органы местного самоуправления.

¹⁷ Подробнее об этом см. Минтруд России. Меры, направленные на позитивное изменение ситуации с безнадзорностью и беспризорностью несовершеннолетних // Web.archive.org. 2002. 7 октября. URL: <https://web.archive.org/web/20070927063440/http://rostrud.ru/portal/load/doc-cfc849193922834db358c09d49ab6342-1df01d.cfc849193922834db358c09d49ab6342-1e356e.htm> (дата обращения: 10.03.2024).

¹⁸ Приказ МВД «О мерах по совершенствованию деятельности органов внутренних дел по профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних». URL: <https://docs.cntd.ru/document/901861767> (дата обращения: 10.03.2024).

¹⁹ МВД подводит промежуточные итоги борьбы с беспризорностью // Полит.ру. 2002. 25 апреля. URL: <https://polit.ru/article/2002/04/25/611496/> (дата обращения: 10.03.2024).

²⁰ Письмо Минздрава РФ от 22 июля 2002 г. № 2510/7337-02-32 «О мерах по усилению борьбы с преступностью среди несовершеннолетних».

сионалов безопасности (в том числе председатель и зампредседателя комиссии — генеральный прокурор и заместитель министра внутренних дел соответственно). Объединенные общим габитусом²¹, они имели сходное видение решения заявленной проблемы, а их структурные диспозиции в бюрократическом поле детерминировали осознанное или неосознанное стремление к ее репрезентации как вопроса, полностью или по большей части находящегося в сфере ответственности правоохранительных органов.

Проведение общероссийской антицыганской кампании, таким образом, стало непреднамеренным результатом шагов по секьюритизации беспризорности и безнадзорности, предпринятых в конце 2001 — первой половине 2002 г. Будучи дискриминационной практикой, противоречащей действующему законодательству²², антицыганские облавы очевидно представляли собой экстраординарную меру, выходящую за рамки нормальной политики.

Реакция аудиторий

Один из ключевых игроков в процессе секьюритизации — аудитория. Ее реакция, благосклонная или, напротив, критическая в отношении дискурсивных и недискурсивных практик субъектов секьюритизации, в значительной степени определяет, приведут они к успеху или нет. Как показывают исследования, обычно секьюритизаторы имеют дело не с одной, а с несколькими аудиториями [Côté, 2016]. В рассматриваемом случае вслед за Марком Солтером можно выделить массовую²³, элитарную²⁴, технократическую²⁵ и исследовательско-активистскую²⁶ аудитории [Salter, 2008]. Поскольку речь идет не о секьюритизирующем дискурсе, а о секьюритизирующей практике, предъявленной всем четырем аудиториям в неизменном виде (антицыганской облавы), анализ различных настроек одного и того же секьюритизирующего повествования, ориентированных на разные виды публики, не может быть осуществлен. Однако для понимания того, почему операция «Табор» до сих пор регулярно проводится в регионах страны, важно проследить за реакцией четырех аудиторий на секьюритизирующее представление.

Реакция массовой аудитории была благожелательной. Предвзятость, распространявшаяся в отношении цыган с начала 1990-х годов [Гудков 2004: 184], не способствовала проявлению к ним сочувствия или возмущения вследствие осуществляемых в отношении них дискриминационных мероприятий. В некоторых регионах, по сообщениям местных властей и управлений внутренних дел,

²¹ Вслед за Дидье Биго, Тьерри Бальзаком и их соавторами мы будем понимать под габитусом профессионалов безопасности «систему устойчивых установок, которая управляет поведением и дискурсами акторов внутри поля» [Balzacq et al., 2010: 3].

²² В частности, дискриминация запрещена Конституцией (ст. 19), Уголовным кодексом (ст. 136) и Кодексом об административных правонарушениях (ст. 5.62).

²³ Широкие слои населения.

²⁴ Политические элиты.

²⁵ Бюрократия.

²⁶ Солтер выделяет научную аудиторию, однако в анализируемом случае речь идет не о научном сообществе в целом, но об отдельных интеллектуалах, озабоченных проблемами защиты прав цыган и плотно взаимодействующих с профильными НКО и цыганскими объединениями.

жалобы жителей на цыганские общины даже послужили стимулом к проведению операции «Табор»²⁷.

Реакцию политической элиты можно назвать пассивной: не нашлось ни одного заметного политического актора, который бы поддержал или осудил указанную практику.

Исследовательско-активистская аудитория, состоявшая из профильных правозащитных организаций, цыганских объединений и немногочисленных интеллектуалов, интересующихся проблемами цыганских общин, попыталась оказать сопротивление. В 2002 г. после обращений в адрес МВД и столичных властей цыганская НКА «Романо Кхэр» добилась встречи с заместителями министра внутренних дел и министра юстиции, в ходе которой последние пообещали прекратить операцию «Табор». Однако это обещание не было выполнено. Последующие обращения ряда профильных НКО²⁸ к российским властям и в международные организации также не дали результатов. Не оказали никакого влияния на ход событий и несколько аналитических публикаций, осуждавших операцию «Табор» [Нам, 2003]²⁹.

Реакция технократической аудитории, состоявшей в основном из полицейской бюрократии, в задачи которой входило проведение антицыганских облав, была неоднозначной. С одной стороны, милицееское руководство на местах с готовностью взялось за осуществление операции «Табор» на подведомственных территориях, с другой — с трудом интериоризировало предложенное из федерального центра видение данного мероприятия как средства борьбы с беспризорностью и безнадзорностью. В итоге в Санкт-Петербурге антицыганские облавы объяснялись стремлением предупредить правонарушения «со стороны цыган на объектах транспорта и петербургских вокзалах»³⁰, в Самарской области — желанием «не допустить распространения наркотиков и выявить лиц, незаконно проживающих на территории РФ»³¹; в Чувашской Республике — необходимостью пресечения мошенничества «под видом снятия порчи»³² и т. д. Иначе говоря, инициированная из центра, операция «Табор» на уровне регионов изменила свое значение и стала фреймироваться с помощью более актуальных для местной технократической аудитории смыслов. В результате, когда в 2003 г. тема беспризорности и безнадзорности ушла из политической повестки, порожденная ею секьюритизирующая

²⁷ Операция «Табор» // Портал органов власти Чувашской Республики. 2002. 20 марта. URL: <https://cap.ru/news/2002/03/20/news-73786> (дата обращения: 10.03.2024); Чак А. Табор уходит в подполье // Тихоокеанская звезда. 2002. 14 марта. URL: https://toz.su/newspaper/arkhiv/2002_03_14_tabor_ukhodit_v_podpole/ (дата обращения: 10.03.2024).

²⁸ В частности, в 2004 г. Европейский центр по правам цыган направил официальное письмо в адрес Правительства Санкт-Петербурга, призывая прекратить облавы на цыганское население. В 2005 г. та же организация обратилась к министру внутренних дел Рашиду Нургалиеву, требуя пояснить, каковы законные основания для проведения операции «Табор», уточнить ее временные рамки, территориальный охват и результаты. В 2008 г. ряд российских НПО подготовил Альтернативный доклад для Комитета ООН по ликвидации расовой дискриминации, где сообщалось о проведении операции «Табор».

²⁹ См. также: Бессонов Н. В. Цыгане и пресса. Вып. 2. 2003. URL: <https://gypsy-fond.com/pressa2> (дата обращения: 10.03.2024).

³⁰ В Петербурге нашли только 9 цыган- Попрошаек // Фонтанка.ру. 2002. 12 марта URL: <https://www.fontanka.ru/2002/03/12/37006/> (дата обращения: 10.03.2024).

³¹ Бондаренко А. Секрет «цыганских зачисток» // Независимая. 2002. 18 июля. URL: https://www.ng.ru/events/2002-07-18/6_accusations.html (дата обращения: 10.03.2024).

³² Цыган ждет тесное общение с милицией // Московский комсомолец. 2002. 27 февраля. URL: <https://www.mk.ru/old/article/2002/02/27/170417-tyigan-zhdet-tesnoe-obschenie-s-militsiy.html> (дата обращения: 10.03.2024).

практика не исчезла вместе с ней. Вместо этого произошло лишь окончательное вытеснение первоначального содержания и замена его другим, более подходящим с точки зрения технократической аудитории.

Таким образом, только одна из четырех аудиторий критически отнеслась к операции «Табор». Благожелательная реакция остальных сделала возможными распространение и закрепление секьюритизирующей практики. При этом массовая аудитория периодически инициировала проведение антицыганских облав, а технократическая активно включилась в реализацию секьюритизирующих мероприятий и способствовала изменению их смыслового наполнения.

Рутинизация операции «Табор»

После решения Межведомственной комиссии Совета Безопасности Российской Федерации по общественной безопасности, борьбе с преступностью и коррупцией о регулярном и повсеместном проведении операции «Табор» она осуществлялась в самых разных регионах страны. Причем с 2010-х годов официальные сообщения об облавах на цыганское население стали появляться все чаще, что свидетельствует о рутинизации данной практики.

Для количественной оценки и анализа географического распространения операции «Табор», а также аналогичных мероприятий под другими названиями, в 2022—2023 гг. мы провели сплошной мониторинг системы сайтов Министерства внутренних дел РФ (<https://мвд.рф/>). Всего проанализировано 84 региональных сайта МВД и 4 сайта территориальных подразделений УМВД по Брянской области. Поиск релевантных сообщений осуществлялся с использованием поисковой строки, размещенной на сайтах, по ключевым словам «Табор», «цыган», «цыганской». Обнаруженные источники заносились в общую базу данных. По каждому региону подсчитывалось число антицыганских мероприятий, о которых сообщалось в источниках, дублирующие сообщения³³ помечались и исключались, фиксировались спикеры, информировавшие о проведении операций.

Всего было обнаружено 212 сообщений об осуществлении операции «Табор» и других специализированных мероприятий, нацеленных на цыганское население, в том числе ОПМ «Цыган»; ОПМ «Цыгане»; операция «по предупреждению и раскрытию преступлений, совершаемых лицами цыганской народности»; «меры, направленные на профилактику преступлений и иных правонарушений в местах концентрации лиц цыганской национальности»; операция «по выявлению и раскрытию преступлений, совершенных нелегальными мигрантами и представителями цыганского этноса»; операция «по выявлению, пресечению правонарушений и преступлений, совершаемых иностранными гражданами, лицами без гражданства и представителями цыганского этноса»; операция «недопущения и пресечения противоправной деятельности иностранных граждан и лиц цыганской национальности»; профилактические рейды, ориентированные на цыган.

Полученный массив данных был дополнен информацией, размещенной на отдельных официальных сайтах региональных органов власти³⁴, а также сведения-

³³ Например, сообщения участковых уполномоченных, работающих в одном и том же отделении полиции об операции, проведенной в одном и том же временном диапазоне.

³⁴ Сайт администрации Прокопьевского муниципального округа (прокопьевский-район.рф); Портал органов власти Чувашской Республики (www.cap.ru).

ми, содержащимися в сообщениях СМИ, передававших заявления официальных лиц и обнаруженных в ходе мониторинга с использованием инструментов поиска Google. Стремясь опираться на официальные источники, мы сознательно старались свести к минимуму включение в базу данных чисто журналистских публикаций, фиксируя только сообщения работников правоохранительной системы о тех операциях, которые не фигурировали в информационных материалах, размещенных на сайтах МВД. В частности, были учтены сообщения сотрудников правоохранительных органов и полицейских пресс-служб, транслировавшиеся информационными агентствами (Интерфакс, REGNUM) и региональными информационно-новостными порталами (Новости Кемеровской области, Информационный портал города Шахты, Батайск-город, городской портал Калуги, новостной портал города Обнинска). Дополнительный поиск позволил обнаружить сведения о еще 17 антицыганских облавах, осуществленных в 2002, 2004, 2006, 2010, 2011, 2017, 2020 и 2021 гг.

В ходе анализа полученных материалов было установлено, что за период с 2002 по 2023 г. осуществлено не менее 159 операций³⁵, нацеленных на цыганское население, по меньшей мере в 34 регионах страны. Поскольку речь идет о практике, содержащей явные признаки этнической дискриминации, можно предположить, что официальные сообщения отражают не все факты проведения подобных мероприятий. Вследствие этого к указанным числам следует относиться с осторожностью: вполне вероятно, что количество операций больше, а география их распространения шире.

Абсолютным лидером по количеству официальных объявлений о проведении операции «Табор» является Брянская область (128 сообщений, содержащих информацию о 53 мероприятиях, нацеленных на цыган). Причем некоторыми территориальными подразделениями УМВД по Брянской области облавы на цыган проводятся на постоянной основе с небольшими перерывами в течение года. Так, за 2022 г. МО МВД «Стародубский» четырежды проводил операцию «Табор»: с 21 по 27 февраля; с 28 по 31 марта; с 29 августа по 2 сентября; с 12 по 16 декабря.

За Брянской областью следуют Калужская (14 сообщений о 6 операциях), Тульская (10 сообщений о 10 мероприятиях) и Кемеровская (7 сообщений о 7 операциях) области. Кроме того, в Забайкальском крае, где обнаружено только одно сообщение, говорится о проведении 24 операций, нацеленных на цыган.

Важно установить уровень издания официальных объявлений об осуществлении антицыганских мероприятий, поскольку это позволяет надежно определить ареалы распространения исследуемой практики. В ходе мониторинга было обнаружено 24 сообщения 11 региональных управлений МВД (по Брянской, Владимирской, Калужской, Кемеровской, Костромской, Нижегородской, Орловской, Ростовской, Тульской, Челябинской и Ярославской областям), информировавших о проведении облав на цыганское население на территории соответствующих субъектов в целом. Еще 52 объявления было издано 11 межмуниципальными отделами МВД («Беловским», «Брянским», «Бузулукским», «Верхнесалдинским», «Дятьковским», «Мантуровским», «Нерехтским», «Новозыбковским», «Севским»,

³⁵ Количество операций не совпадает с числом сообщений, поскольку разные сотрудники полиции иногда говорят об одном и том же мероприятии.

«Стародубским» и «Унечским»), сообщавшими о проведении операций, нацеленных на цыган, на своих подведомственных территориях. 6 аналогичных объявлений было сделано 5 районными отделами МВД (по Александровскому и Камешковскому районам Владимирской области, Всеволожскому району Ленинградской области, Карачевскому району Брянской области, Песчанокопскому району Ростовской области). 13 сообщений принадлежит 8 городским управлениям МВД (по Брянску, Владикавказу, Евпатории, Кемерово, Новокузнецку, Туле, Чите и Южно-Сахалинску). Наконец, 117 объявлений было сделано участковыми уполномоченными и конкретными отделами полиции.

Таким образом, за последние 20 лет операция «Табор» распространилась в значительном числе российских регионов. В результате многократного повторения произошли ее рутинизация, и в конечном счете институализация. В некоторых подразделениях полиции она стала проводиться на постоянной основе как обыденная и непроблематизируемая практика.

Секьюритизирующая практика — результат и источник секьюритизирующих дискурсов

Общероссийские антицыганские облавы — следствие ряда политических и бюрократических перформативных дискурсов: дискурсов профессионалов политического поля, актуализировавших проблему беспризорности и безнадзорности, а также дискурсов профессионалов безопасности, (пере)изобретших комплекс антицыганских практик в качестве инструмента для борьбы с данной проблемой. Вместе с тем эти практики привели к возникновению ряда производных секьюритизирующих дискурсов, особенно активно тиражируемых на уровне рядовых исполнителей антицыганских мероприятий.

Богатую эмпирическую базу для исследования указанных дискурсов дают отчеты и информационно-аналитические записки участковых уполномоченных полиции, озвучивавшиеся на встречах с населением и размещенные на официальных сайтах Министерства внутренних дел. Данные документальные источники были обнаружены в ходе уже упоминавшегося мониторинга системы сайтов МВД РФ. Всего было найдено 2969 релевантных документа, выпущенных в 45 российских регионах.

В процессе обработки полученного материала в каждом отчетном документе были выделены фрагменты текста, представлявшие собой секьюритизирующий дискурс, нацеленный на цыган, которые затем заносились в таблицу. К секьюритизирующим были отнесены речевые акты, маркировавшие цыган как угрозу безопасности. Таковыми признавались утверждения об особой склонности цыган к совершению тех или иных преступлений (например, «как правило, лица, совершающие мошеннические действия, являются представителями цыганской национальности»; «лица цыганской национальности входят в доверие граждан и обманым путем завладевают имуществом, денежными средствами граждан, совершают кражи»); призывы к проявлению бдительности в отношении цыган, избеганию контактов с ними (к примеру, «особое внимание обращать на лиц цыганской национальности»; «полиция просит граждан быть бдительными, избегать любого общения с лицами цыганской национальности»); требования обращаться

в полицию при появлении цыган (например, «в случае появления в селе лиц цыганской национальности, незамедлительно сообщать об этом в дежурную часть»; «при обнаружении подозрительных предметов, лиц цыганской национальности, [...] звоните [...] в дежурную часть»); советы не останавливаться для разговоров с цыганами, не впускать их в жилища, не приобретать предлагаемые ими товары и услуги (к примеру, «не останавливайтесь для разговора с гражданами цыганского этноса»; «не впускайте в квартиру лиц цыганской национальности»; «лица цыганской национальности ходят и продают всякие вещи. Во избежание мошеннических действий советую Вам граждане не связывайтесь с таким контингентом и не обращайтесь на таких лиц»).

Уже на этапе проведения мониторинга было установлено, что отчеты и информационно-аналитические записки участковых уполномоченных носят цитатный характер — дословно воспроизводят одни и те же текстовые образцы, включая интересующие нас секьюритизирующие речевые акты. Для исследования процесса тиражирования секьюритизирующих дискурсов мы выделили наиболее часто встречающиеся в собранном массиве данных фрагменты текста. Квантификация повторов производилась при помощи инструментов Microsoft Word (поисковой строки и счетчика). Поиск осуществлялся по таблице с секьюритизирующими фрагментами отчетных текстов. Всего было выделено 7 секьюритизирующих речевых актов, употреблявшихся более чем в 100 отчетных документах:

Следует также обращать особое внимание на поведение лиц цыганской национальности. (Содержится в 514 документах)

Гражданам необходимо сообщать в отдел полиции либо участковому уполномоченному полиции о фактах обнаружения незнакомых лиц цыганской национальности. (Содержится в 273 документах)

С престарелыми гражданами проводились инструктивные беседы с целью недопущения совершения в отношении них мошеннических действий со стороны лиц цыганской национальности. (Содержится в 191 документе)

Если Вы заметили, что по улице ходят подозрительные лица, в особенности лица цыганской национальности <...> то сообщите об этом участковому уполномоченному полиции. (Содержится в 163 документах)

Не останавливайтесь для разговоров с гражданами цыганской наружности. (Содержится в 134 документах)

Не позволять входить в свои домовладения и квартиры лицам цыганской национальности. (Содержится в 125 документах)

При обходе административного участка на постоянной основе, доводятся информация до граждан по лицам цыганской национальности, которые промышляют как кражами, так и мошенничеством. (Содержится в 115 документах)

Затем на сайтах МВД РФ, где размещены полные списки отчетных материалов участковых уполномоченных, употреблявших перечисленные фразы, а также их коллег, проводилось сплошное исследование отчетов за те периоды, когда хотя бы в одном из них содержался секьюритизирующий речевой акт. Анализировалась структура отчетных документов, ее изменения в разные периоды, фиксировалось авторство отчетов. Устанавливались доли отчетов, содержащих секьюритизирующий речевой акт в разные периоды, и доли участковых уполномоченных — авторов таких отчетов в общей численности сотрудников конкретных отделов полиции.

Проведенный анализ позволил проследить процесс возникновения, распространения и угасания секьюритизирующих дискурсов. Рассмотрим его на примере фразы «*При обходе административного участка на постоянной основе, доводятся информация до граждан по лицам цыганской национальности, которые промышляют как кражами, так и мошенничеством*». За период с 2015 по 2021 г. она повторяется в отчетах участковых уполномоченных отдела МВД России по Зубово-Полянскому муниципальному району 115 раз. Впервые появившись в марте 2015 г. при изменении формы и структуры исходного отчетного образца, в следующие три года она по нарастающей распространялась в отчетах участковых уполномоченных. В 2016 г. искомую фразу содержали 22 из 29 отчетов, подготовленных 13 из 19 сотрудников отдела; в 2017 г. — 13 из 14 отчетов, принадлежавших 9 из 10 участковых уполномоченных; в 2018 г. эта фраза воспроизводилась во всех 24 отчетах, подготовленных сотрудниками отдела³⁶. Достигнув стопроцентного распространения, с 2019 г. началось движение в обратном направлении, обусловленное, по всей видимости, очередным изменением базового отчетного образца и набором новых сотрудников, которые сразу перешли на другой формат отчетности, в то время как старые продолжили держаться привычного варианта до 2020 г. Наконец, в 2021 г. остался лишь один участковый уполномоченный, который использовал устаревший образец отчета, включавший секьюритизирующий дискурс.

Как показывает приведенный случай, секьюритизирующий речевой акт воспроизводился в отчетах участковых уполномоченных почти автоматически³⁷, что демонстрирует его самореферентный характер. Сотрудники полиции в данном контексте фактически потеряли субъектность, нерелексивно повторяя предложенный образец, что также свидетельствует о рутинизации антицыганских дискурсов и практик³⁸.

Сходным образом циркулируют и другие аналогичные секьюритизирующие дискурсы.

Интересно, что дословное воспроизводство секьюритизирующих речевых актов характерно не только для сотрудников одного и того же или нескольких смежных подразделений полиции, хотя это самый частый случай. Иногда такие повторы

³⁶ Изменение численности состава сотрудников от года к году объясняется высокой текучкой кадров в правоохранительных органах.

³⁷ То же самое можно сказать и о полных текстах отчетов, где меняются только показатели.

³⁸ Следует отметить, что один сотрудник отдела МВД России по Зубово-Полянскому муниципальному району отказался следовать отчетному образцу именно в части секьюритизирующего дискурса, заменив «лиц цыганской национальности» на «лиц» без указания этнической принадлежности.

обнаруживаются в отчетах полицейских, служащих в разных и даже весьма отдаленных друг от друга регионах. Так, фраза «*Следует также обращать особое внимание на поведение лиц цыганской национальности*» с некоторыми вариациями встречается в 16 регионах страны (Алтайском крае, Архангельской, Белгородской, Брянской, Владимирской, Ивановской, Калининградской, Кемеровской, Кировской, Костромской, Курской, Новосибирской и Тамбовской областях, Республиках Дагестан и Ингушетия, ХМАО-Югре).

Таким образом, сотрудники полиции, выработавшие привычку видеть в цыганах легитимную цель для задержания, обысков, арестов и прочих мероприятий, обычно применяемых к лицам, подозреваемым в совершении преступлений, (вос) производят секьюритизирующие дискурсы, маркирующие цыганское население в качестве источника угрозы и объекта узаконенного подозрения, при встрече с которым рядовым гражданам иной этнической принадлежности рекомендуется соблюдать меры предосторожности и/или обращаться в правоохранительные органы. Иначе говоря, из секьюритизирующей практики вырастают гомологичные секьюритизирующие дискурсы, зачастую нерелексивно воспроизводимые участвующими в ней акторами. С учетом того, что секьюритизирующая практика, в свою очередь, является порождением ряда секьюритизирующих дискурсов, можно заключить, что дискурсы и практики секьюритизации имеют сложную взаимосвязь, выступая одновременно и условием, и результатом существования друг друга.

Выводы

Расовое профилирование, позиционируемое как вынужденная и необходимая для достижения общественного благополучия и безопасности мера, может рассматриваться сквозь призму теории секьюритизации с учетом бурдьевицкой трактовки перформатива, позволяющей преодолеть сложившуюся в академическом поле традицию сепаратного анализа секьюритизирующих дискурсов и практик.

Исследованный кейс показывает, что секьюритизирующие практики иногда имеют весьма запутанные траектории, вырастая из перформативного дискурса, посвященного теме, на первый взгляд с ними не связанной. В рассмотренном случае общероссийские антицыганские облавы, фактически стали непреднамеренным последствием шагов по секьюритизации беспризорности и безнадзорности, предпринятых крупными политическими игроками на рубеже 2001—2002 гг.

Проанализированный случай подтверждает неоднократно отмечавшуюся исследователями важность реакции аудиторий на дискурсивные и недискурсивные практики субъектов секьюритизации. Распространение и рутинизация операции «Табор» стали возможны вследствие положительной или нейтральной реакции трех из четырех аудиторий (массовой, элитарной и технократической), наблюдавших за секьюритизирующей практикой. При этом две аудитории включились в процесс секьюритизации: массовая аудитория в отдельных случаях инициировала проведение антицыганских облав, а технократическая принимала непосредственное участие в их осуществлении и способствовала изменению их смыслового наполнения. В результате, когда объявленная борьба с беспризорностью и безнадзорностью была свернута, операция «Табор» не исчезла вместе с ней, но продолжила проводиться в разных регионах страны под другими предложениями.

Как показало проведенное исследование, секьюритизирующие практики не только являются порождением перформативных дискурсов, но и, в свою очередь, генерируют производные секьюритизирующие дискурсы. В рассмотренном кейсе такие дискурсы воспроизводились почти автоматически, будучи продуктом глубоко интериоризированной привычки видеть в таргетированной группе сообщество, склонное к совершению преступлений, — привычки, выработанной в результате регулярного участия в секьюритизирующих мероприятиях. Взаимообусловленность дискурсов и практик секьюритизации еще раз указывает на необходимость преодоления сложившейся традиции их отдельного анализа, оставляющей «за кадром» важные аспекты взаимосвязи дискурсивных и недискурсивных стратегий субъектов секьюритизации.

Список литературы (References)

Григорьева К. С. Расовое профилирование. История и современное состояние исследований // Демографическое обозрение. 2019. Т. 6. No 4. С. 104—127. <https://doi.org/10.17323/demreview.v6i4.10429>.

Grigoryeva K. S. (2019) Racial Profiling: The History and Current State of Research. *Demographic Review*. Vol. 6. No. 4. P. 104—127. <https://doi.org/10.17323/demreview.v6i4.10429>.

Гудков Л. Негативная идентичность. Статьи 1997—2002 годов. М.: Новое литературное обозрение, ВЦИОМ-А, 2004.

Gudkov L. (2004) Negative identity. Research papers 1997—2002. Moscow: New Literary Observer, VTSIOM-A.

Европейская комиссия по борьбе с расизмом и нетерпимостью. Общеполитическая рекомендация Европейской комиссии по борьбе с расизмом и нетерпимостью № 11: «О борьбе с расизмом и расовой дискриминацией в работе правоохранительных органов». 2007. URL: <https://rm.coe.int/compilation-of-ecri-general-policy-recommendations-march-2018-russia/1680923e0a> (дата обращения: 10.03.2024).

The European Commission against Racism and Intolerance (2007) ECRI General Policy Recommendation No. 11 on Combating Racism and Racial Discrimination in Policing. URL: <https://rm.coe.int/ecri-general-policy-recommendation-no-11-on-combating-racism-and-racia/16808b5adf> (accessed: 10.03.2024).

Нам И. В. Цыганский вопрос // Бюллетень Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. 2003. № 47. Янв. — февр. С. 60—62.

Nam I. V. (2003) The Roma Question. *Bulletin of the Ethnological Monitoring and Early Conflict Prevention Network*. No. 47. Jan. – Feb. P. 60-62.

Balzacq T., Başaran T., Bigo D., Guittet E.-P., Olsson C. (2010) Security Practices. In: Denmark R. A. (ed.) *The International Studies Encyclopedia Online*. URL: https://is.muni.cz/el/fss/podzim2015/ESS419/um/Balzacq_et_al_2010.pdf (accessed: 10.03.2024).

- Bigo D. (2002) Security and Immigration: Toward a Critique of the Governmentality of Unease. *Alternatives*. Vol. 27. P. 63—92. URL: https://migrantsproject.eu/wp-content/uploads/2020/08/Bigo_Security-and-Immigration.pdf (accessed: 10.03.2024).
- Bourbeau Ph. (2014). Moving Forward Together: Logics of the Securitisation Process. *Millennium: Journal of International Studies*. Vol. 43. No. 1. P. 187—206. <https://doi.org/10.1177/0305829814541504>.
- Bourdieu P. (1991) Language and Symbolic Power. London: Polity Press.
- Butler J. (1997) Excitable Speech A Politics of the Performative. New York, NJ; London: Routledge.
- Buzan B., Wæver O., De Wilde J. (1998) Security: A New Framework for Analysis. Boulder, CO: Lynne Reiner.
- Côté A. (2016) Agents without Agency: Assessing the Role of the Audience in Securitization Theory. *Security Dialogue*. Vol. 47. No. 6. P. 1—18.
- Derrida J. (1988) Signature. Event. Context. In: Derrida J. *Limited Inc*. Evanston: Northwestern University Press. P. 1—25.
- Engel R. S., Calnon J. M., Bernard T. J. (2004) Theory and Racial Profiling: Shortcomings and Future Directions in Research. *Justice Quarterly*. Vol. 19. No. 2. P. 249—273. <https://doi.org/10.1080/07418820200095231>.
- Goris I., Jobard F., Lévy R. (2009) Police et minorités visibles: les contrôles d'identité à Paris. New York, NY: Open Society Institute.
- Lamberth J. (1996) A Report to the ACLU. New York, NY: America Civil Liberties Union.
- McDonald M. (2008) Securitization and the Construction of Security. *European Journal of International Relations*. Vol. 14. No. 4. P. 563—587. <https://doi.org/10.1177/1354066108097553>.
- Miller J., Gounev Ph., Pap A. L., Wagman D., Balogi A., Bezlov T., Simonovits B., Vargha L. (2008) Racism and Police Stops: Adapting US and British Debates to Continental Europe. *European Journal of Criminology*. Vol. 5. No. 2. P. 161—189. <https://doi.org/10.1177/1477370807087641>.
- Pap A. L. (2011) Ethnic Profiling and Discrimination: The International Context and Hungarian Empirical Research Findings. *Acta Juridica Hungarica*. Vol. 52. No. 4. P. 273—295. <https://doi.org/10.1556/AJur.52.2011.4.1>.
- Spitzer E. (1999) The New York City Police Department's 'Stop and Frisk' Practices: A Report to the People of the State of New York from the Office of the Attorney General. Albany, NY: New York Attorney General's Office.
- Salter M. B. (2008) Securitization and Desecuritization: A Dramaturgical Analysis of the Canadian Air Transport Security Authority. *Journal of International Relations and Development*. Vol. 11. No. 4. P. 321—349.

Stritzel H. (2007) Towards a Theory of Securitization: Copenhagen and Beyond. *European Journal of International Relations*. Vol. 13. No. 3. P. 357—383. <https://doi.org/10.1177/1354066107080128>.

Trombetta M. J. (2014) Linking Climate-Induced Migration and Security within the EU: Insights from the Securitization Debate. *Critical Studies on Security*. Vol. 2. No. 2. P. 131—147. <https://doi.org/10.1080/21624887.2014.923699>.